

We said that an alternative personality theory was possible, based on the Marx' theory where an individual was treated as a social agent. In his or her actions an agent assimilated the world of things (*распредмечивает его*) and created the new (*опредмечивает*). In so doing, agents create themselves. Andreeva referred to A. N. Leontiev, and I argued that the role theory interpreted well the individual adaptation to the existing social conditions, but did not explain how a personality transformed in practice the conditions of the social reality. Responding to our remarks Robert Merton was saying something, but I do not remember what. The only thing was clear that the words were rather well-disposed.

So we were extremely surprised to see a note in his famous work *Social theory and social structure* where he mentioned a "different position" on a relative autonomy of the middle-range theories and referred to Andreeva and Yadov.

Кон Игорь Семенович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Института этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

Воспоминания о Роберте Мертоне

Роберт Мертон был одним из первых выдающихся социологов XX века, с которыми я познакомился лично. Впервые я увидел и услышал его в начале 1960-х годов, когда они с Т. Парсонсом приезжали в Ленинград. Но эта встреча была коллективной. Больше всего меня тогда удивила ясность лекции Парсонса, который говорил значительно проще, чем писал, и к тому же отличался прекрасным произношением. Несколько лет спустя, когда на каком-то международном конгрессе мне было трудно понять речь С. М. Липсета и я приписал это плохой акустике, кто-то из американских коллег объяснил: «Чему вы удивляетесь? Парсонс происходит из богатой семьи, учился в дорогой частной школе, а Липсет — еврейский мальчик из Бруклина, откуда у него возьмется хорошее произношение?»

Книги Мертона я, разумеется, читал, они были мне интересны главным образом с точки зрения методологии, особенно интересно было разграничение явных и латентных функций. На социологическом конгрессе в Эвиане (1966) мы, наконец, смогли обменяться несколькими словами лично, но времени на это было мало. Парсонс с Мертоном пригласили меня на ланч (единственная возможность поговорить во время конгресса), но предыдущее заседание затянулось, я опоздал, так что «ланчевали» меня молодые Питер Бергер и Томас Лукман, чему я был даже рад. Их книга «Социальное конструирование реальности» в это время только что вышла, и у нас с ними обнаружили некоторые общие идеи.

Личные контакты с Мертоном продолжились во время Всемирного социологического конгресса в Варне (1970). Когда во время заключительного банкета я пустил подписной лист, предлагая создать в рамках МСА Исследовательский комитет по

истории социологии, Т. Парсонс с Р. Мертоном стали моими первыми «подписантами» и вошли в состав нового комитета. Второе знаковое для нас событие во время этого конгресса заключалось в том, что мы с В. А. Ядовым и А. Г. Здравомысловым смогли не только пригласить Р. Мертона и Т. Парсонса в ресторан, но и заплатить за них: в капиталистических странах денег у нас практически не бывало, мы могли быть только гостями.

В последующие годы мы с Мертоном вели интенсивную переписку. В это время в Стэнфорде был открыт замечательный Центр высших исследований. Туда приглашали на год нескольких выдающихся или подающих надежды ученых разного возраста и специальностей (не только обществоведов), предоставляли им все условия для теоретической работы, но не для эмпирических исследований, без каких бы то ни было обязательных планов и сроков. Единственная обязанность состояла в том, чтобы участвовать в обсуждении своего и чужих проектов с представителями других специальностей и вообще разговаривать на теоретические темы. Эти неформальные междисциплинарные разговоры были для всех участников исключительно плодотворными. Разумеется, конкурс туда был колоссальный (возможность целый год заниматься только собственным проектом, плюс — престижность самого учреждения), но по рекомендации Мертона мне прислали оттуда персональное приглашение. Увы, до меня оно не дошло, Академия наук СССР отказалась от моего имени, даже не поставив меня в известность. Я получил от Мертона только копии официальной переписки. К сожалению, они у меня не сохранились. В начале 1980-х годов история повторилась. В Вассенааре (Нидерланды) открылся центр Высших исследований, мне прислали оттуда (вероятно, по рекомендации того же Мертона) персональное приглашение, но чиновники (кагебешники) Управления внешних сношений от моего имени отказались, не известив меня. Так поступали не только со мною, хамили всем, это была одна из причин растущей ненависти ученых к КПСС и советской власти.

Переписка с Мертоном была интересной. Он писал большие и содержательные письма. Наши общие интересы касались не только истории социологии, но и, например, социологии дружбы.

До середины XX века этнографические исследования дружбы были по преимуществу описательными. Эти пестрые данные начали обобщать и теоретически осмысливать лишь в 1950-х годах. Важную роль в этом сыграл проходивший в 1955, 1956 и 1958 годах в Гарвардском университете междисциплинарный семинар о дружбе как социальном явлении, при участии крупнейших антропологов и социологов, включая Роберта Мертона и Пола Лазарсфельда, которые подготовили большую совместную статью «Дружба как социальный процесс» (Lazarsfeld P. F. and Merton R. K. Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis // *Freedom and Control in Modern Society* / ed. by M. Berger, T. Abel and C. H. Page. Princeton : Van Nostrand, 1954. P. 18–66). Мертон сформулировал содержательную теорию дружбы, а Лазарсфельд — модель ее методологического анализа. Когда в 1970-х годах я заинтересовался социологией дружбы, то попросил кого-то прислать мне ксерокс этой статьи. Мертон был сильно удивлен, что я ее знаю.

Большую помощь Мертон оказал мне, когда я занялся возрастными категориями. Узнав о моем интересе к этой теме, он лично прислал мне только что вышедший очень важный и дорогой трехтомник “Aging and Society” под редакцией Матильды

Райли (1972), который, в сущности, оформил появление возрастной стратификации как особого проблемного раздела социологии. Я сразу же опубликовал на него положительную рецензию в «Вестнике ЛГУ» (см.: *Кон И. С.* Рец. на: Старение и общество / под ред. М. У. Райли // Вестник ЛГУ. 1974. № 11. С. 159–160), что в те годы было весьма непросто.

А потом вышла смешная история. В 1978 году я опубликовал в «Социологических исследованиях» (№ 3) большую статью «Возрастные категории в науках о человеке и обществе», где посвятил целую страницу текста изложению этой теории, сделав соответствующую сноску (закавычить весь текст или дать несколько сносок было невозможно по цензурным условиям). Каково же было мое негодование, когда в вышедшем номере журнала даже этой единственной сноски не оказалось! Получилось, что я присвоил чужие мысли. Вообще говоря, советского плагиата на Западе, как правило, не замечали или не обращали на него внимания. Один наш коллега, издавая сборник переводов статей по современной американской социологии, снял предисловие, написанное Мертоном, заменив его своим, причем включил в него несколько страниц мертоновского текста, и никто по этому поводу ничего не сказал. Поскольку меня это не устраивало, я написал гневное письмо А. Г. Харчеву и потребовал опубликовать поправку. Через два номера в разделе опечаток было действительно сообщено, что в такой-то статье по недосмотру редакции (вероятно, так оно и было) выпала следующая сноска. Но кто читает списки старых опечаток?

Среди американских социологов Мертон имел репутацию довольно авторитарного лидера, аспиранты, отклонявшие его идеи и предложения, не могли рассчитывать на его помощь. Но к выходцам из СССР он был доброжелателен. Когда в 1975 году в США эмигрировал мой бывший аспирант Дмитрий Шалин, я окружным путем попросил нескольких западных коллег по возможности помочь ему, и они это сделали. Во время пребывания Дмитрия в Риме, его пригласил Франко Ферраротти, а Мертон посодействовал зачислению его в аспирантуру Колумбийского университета, что помогло ему стать на ноги. Оценить его советскую диссертацию о Джордже Герберте Миде американские социологи не могли, потому что никто из них не читал по-русски, но после того, как Шалин опубликовал несколько статей в ведущих социологических журналах, в Колумбийском университете ему присудили PhD по совокупности работ, что там делают редко (впрочем, это было уже после Мертона).

После перестройки, когда стало можно ездить за границу (первый раз я побывал в США в 1988 году, а первое официальное приглашение оттуда получил в 1966-м), я регулярно встречался с Мертоном в Нью-Йорке, в Russell Sage Foundation. Даже после своего ухода из Колумбийского университета, Мертон бывал там каждую среду. У него была прекрасная память. В начале 1990-х годов он пытался возобновить мне прежнее приглашение в Стэнфорд, но мне было уже за 60, так что это не получилось. Каждый мой приезд в Нью-Йорк Роберт и его жена Харриэт Закерман, тоже известный социолог, приглашали меня вечером в клуб, он — мужской, она — в женский. Это было приятно и интересно.

Remembering Robert Merton

PROFESSOR IGOR S. KON

Senior researcher
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences,
Moscow

Robert Merton was one of the first eminent sociologists of the 20th century I met. I saw and listened to him for the first time in early 1960s when he and T. Parsons came to Leningrad. But it was not a personal encounter. Most of all I was amazed by the clarity of Parsons' lecture that sounded much simpler than his writings, and his pronunciation was very good. Some years later, at an international congress I could hardly understand S. M. Lipset's speech and I attributed it to the bad acoustics. But my American colleague explained to me: "No surprise. Parsons comes from a rich family, was educated in an expensive private school, and Lipset is a Jewish boy from Brooklyn, so where could he have acquired good pronunciation?"

Of course, I read Merton's books and found them interesting, mainly in terms of methodology. Likewise, his distinguishing between manifest and latent functions was of particular interest to me. At the 1966 congress of sociology in Evian, we were able at last to exchange several words in person, but there was little time for that. Parsons and Merton invited me for lunch (the only chance to speak face-to-face during the congress), but the previous session ended too late and I did not come on time, so instead had lunch in the company of young Peter Berger and Thomas Luckmann, which pleased me very much. Their book *The Social Construction of Reality* had just been published at the time and we found some mutual general ideas.

My personal contacts with Merton continued during the Varna world congress of sociology in 1970. During the closing banquet I passed around my proposal to set up a research committee for the history of sociology within the ISA. Parsons and Merton were the first to put their signatures and subsequently became members of the new Committee. That congress saw another significant event for us: V. A. Yadov, A. G. Zdravomyslov and I could invite Merton and Parsons to a restaurant, and moreover, we could pay for them. In capitalist countries we hardly had money, and so could only be guests.

Later on, Merton and I conducted brisk correspondence. At that time, Stanford founded its excellent Center for Advanced Studies. Several distinguished or promising researchers of various ages and from different disciplines (not only social scientists) were invited there for a year, provided with all of the necessary facilities for theoretical work, but not for empirical studies, and without any obligatory plans or terms. The only duty was to discuss their own as well as other fellows' projects with researchers from different fields, and to theorize in general. Those informal interdisciplinary discussions were extremely fruitful for all participants. Obviously, the number of applicants to get there was huge (an opportunity of working for the entire year on your own project, and, besides, the prestige of that institution) but on Merton's advice they sent me a personal invitation. Alas, it did not get through to me. The USSR Academy of Sciences declined it on my behalf without even letting me know about the fact. I only received from Merton copies of the correspondence between institutions. Unfortunately, these were lost in the ensuing years. In the early 1980s, the situation

repeated itself. The Institute for Advanced Study was founded in Wassenaar, Netherlands and they sent me a personal invitation (perhaps again on Merton's recommendation). But the External Affairs Department refused on my behalf without telling me about it. My case was not unique, however, as everyone could be treated in that brutish manner. This was one of the reasons for scientists' growing hatred toward the Communist party and the Soviet power.

My correspondence with Merton was absorbing. He wrote long informative letters. We shared interest not only in the history of sociology but, for example, in the sociology of friendship as well.

Until the mid 20th century, ethnographic studies of friendship were mainly descriptive. It is only in the 1950s that scientists started to summarize and theorize these disparate data. The interdisciplinary seminar on friendship as a social phenomenon that was held in 1955, 1956 and 1958 in Harvard University played a very important role. A number of prominent anthropologists and sociologists — Robert Merton and Paul Lazarsfeld among them — prepared a large joint paper *Lazarsfeld P. F. and Merton R. K. Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis // Freedom and Control in Modern Society / ed. by M. Berger, T. Abel and C. H. Page. Princeton : Van Nostrand, 1954. P. 18–66.*

Merton worked out the substantive part of the friendship theory and Lazarsfeld established a pattern for its methodological analysis. When in the 1970s I took an interest in the sociology of friendship, I asked someone to send me a copy of that article. So Merton was very surprised that I knew about it.

Merton helped me a lot when I started to explore age groups. When he learned about my interest in that theme, he sent me a significant and expensive three-volume set (just published at that time) «Aging and Society» (1972) edited by Matilda Riley. Actually, it facilitated the emergence of age stratification as a special sub-discipline in sociology. I immediately published a positive review of it in Leningrad University's periodical (see: *Кон И. С. Рец. на кн: Старение и общество / под ред. М. У. Райли // Вестник ЛГУ. 1974. № 11. С. 159–160*), which was not all that easy in those years.

And then a funny thing happened. In 1978, I contributed to «Социологические исследования», № 3 (“Sociological Studies”) a large article titled “Age Categories in the Sciences of Man and Society” where the entire text was devoted to setting out of a theory with an appropriate footnote (quoting the whole text or making several notes was impossible because of censorship considerations). I was absolutely infuriated when my only footnote was missing from the fresh issue of the journal! It looked as if I had taken ideas that were not mine. Generally speaking, the West, as a rule, did not pay much attention, if any, to Soviet plagiarism. One of our colleagues when publishing a collection of translated articles on modern American sociology removed the foreword written by Merton and put his own foreword, with several pages from Merton's text. Nobody said anything about it. I could not put up with that, so I wrote an angry letter to A.G. Kharchev (editor of the Journal) where I demanded that a correction be published. What happened was a notification was placed in the misprint section two issues later saying that the footnote had gone missing from the very article due to an editors' oversight (which probably was the case indeed). But who reads the corrections of misprints?

Among American sociologists, Merton had a reputation of a dominating leader: post graduates who declined his ideas and suggestions could not rely on his assistance. But he was friendly to migrants from the USSR. My former postgraduate student Dmitri Shalin emigrated to the USA in 1975, so I indirectly asked some of my colleagues in the West to

help him, if possible, and they did it. During Dmitri's stay in Rome, he was invited by Franco Ferrarotti, and Merton helped him get into graduate school at Columbia University, which enabled him to find his feet. American sociologists could not assess his Soviet dissertation on George Herbert Mead because nobody could read Russian. But after Shalin had published several papers in the leading sociological journals, Columbia University awarded him a PhD for his achievements as a whole, which was a rare case (though it was after Merton).

After Gorbachev's perestroika, when it was possible to travel abroad (I came to the USA for the first time in 1988, but I received my first formal invitation in 1966), I met Merton regularly in the Russell Sage Foundation, in New York City. Even after he had left Columbia, he was there each Wednesday. He had an excellent memory. In the early 1990s, he tried to renew my previous invitation to Stanford, but I was 60 already, so it did not happen. During all my visits to New York, Robert and his wife Harriet Zuckerman, also a famous sociologist, invited me in the evening to a club, for men or for women respectively. It was intriguing and I enjoyed it.

DMITRI N. SHALIN

Chair, Sociology Department
Director, Center for Democratic Culture,
shalin@unlv.nevada.edu

Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives / ed. by Dmitri N. Shalin (UNLV: CDC Publications, 2009)¹

Shalin: My dissertation was about George Mead and pragmatism. When the borders opened up, I emigrated to the U.S. where I contacted Blumer and Merton, whom Igor Kon knew, and maybe a couple of other sociologists, to see if I could study with them. Blumer wrote to me that I can come to work with him but that there is no money to support my education, nor much of a face value of the diploma at the American University (I think that's what it was), where he taught at the time. Meanwhile, Columbia University offered me a fellowship and an apartment for me and my family, so I went there, even though Columbia wasn't exactly a stronghold of interactionism and pragmatism.

Gladys Lang: When was this?

Shalin: I left Russia in August of 1975, and I came to the U. S. in January of 1976.

Kurt Lang: You said you got an apartment...

Shalin: It was at the Columbia University housing for graduate students on Broadway and 112th street. I planned to continue my work on pragmatism and Mead, but that didn't

¹ Lang K., Lang G. Goffman Converted His Personal Neurosis or Inferiority Complex into a Very Productive and Creative Solution // Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives / ed. by D. N. Shalin. 2009–2011 (Las Vegas: CDC Publications). URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/publications/ega2.html>